

Цзю Цзинь невольно ощутил горький укол зависти. Какому-то безвестному мелкому демону доставалось столько искренней заботы от Жун Чэньцзюня, в то время как он, грозный владыка клана Девятихвостых лисиц, не мог дожидаться от собственного сына даже простого «отец»... Тоскливо и до крайности обидно.

Впрочем, его лицо этого не отражало. Окутанный привычной ледяной аурой, Цзю Цзинь выглядел настолько безучастным, что даже нечисть не угадала бы, какая буря бушует у него внутри.

Жун Чэньцзюню сейчас было не до него. Все его помыслы были заняты маленьким сокровищем; тревога и нежность читались в каждом его жесте.

Очнувшись, И Даньдань первым же делом наткнулся на этот встревоженный взгляд. Вот только сама тревога его сейчас волновала меньше всего. Малыш замер как вкопанный, и его крохотное личико мгновенно залилось краской.

От него так и веяло смущением. Даньдань только-только сбросил истинный облик, вернувшись в человеческое тело, и лежал совершенно голышом. Жун Чэньцзюнь с изумлением наблюдал, как нежная кожа малыша вспыхнула пунцовым цветом с головы до самых пяток.

«Жун-жун... до чего же он красивый...»

Это была единственная мысль, крутившаяся в голове И Даньдани.

И винить его в этом было нельзя — Жун Чэньцзюнь изменился невероятно. Он и прежде был поразительно красив: тонкие, изящные черты лица, мягкий овал, безупречные пропорции. В его облике сквозило то особое благородство, которое прежде лишило бы покоя не одну юную деву.

Но теперь, миновав всего одну ночь, он будто переродился. Прежняя, обычная бледность сменилась матовым, полупрозрачным сиянием безупречного белого нефрита. Лицо оставалось прежним, но неуловимые, тончайшие изменения сделали его совершенным.

Прежде всего это касалось взгляда. Жун Чэньцзюнь смотрел на него лишь с тревогой и нежностью, но И Даньданю показалось, будто этот взор проникает в самую душу, лишая воли и заставляя всё тело приятно неметь.

Стан его стал ещё стройнее и величавее. Волосы, всё те же, длиной до шеи, казались теперь шёлковым полотном, где каждая прядь отливала благородным блеском.

Встретившись с ним взглядом, Даньдань едва не принял его за сошедшего с небес небожителя. Жун Чэньцзюнь словно излучал мягкое, притягательное сияние. Малышу хватило одного взгляда, чтобы окончательно превратиться в варёного рака.

Сам Жун Чэньцзюнь и не подозревал о своей сокрушительной привлекательности. Увидев, как тельце маленького яичного духа внезапно заалело, он не на шутку испугался. Сердце его тревожно сжалось. Бережно подхватив на ладони нагого кроху, он засыпал его расспросами:

— Малыш, что с тобой?! Где-то болит? Не пугай меня так!

С этими словами он сразу же направил духовное зрение внутрь крохотного тельца, чтобы проверить его состояние.

Пробудив наследственную память, он обрёл знание множества чар. Пусть Жун Чэньцзюнь ещё не успел отточить их на практике, простейший осмотр не представлял для него никакого труда.

Видя его искреннюю панику, И Даньдань немного успокоился. Смущение улеглось, жар на коже постепенно спал.

Малыш поспешил утешить своего покровителя:

— Я в порядке, Жун-жун, правда. Не переживай.

В его тонком голоске всё ещё звенела робкая застенчивость, но встревоженный Жун Чэньцзюнь этого не заметил. Убедившись, что с малышом всё хорошо, он облегчённо выдохнул и беззлобно пожурил его:

— Ну и напугал же ты меня, негодник.

От этого ласкового порицания Даньданю стало совсем неловко, хотя он и сам толком не понимал причин своего смущения. Он ни за что бы не признался, что просто залюбовался неземной красотой Жун Чэньцзюня и оттого потерял дар речи.

Пришлось на ходу выдумывать оправдание:

— Просто... Даньдань был совсем без одёжки, вот и...

Жун Чэньцзюнь мгновенно всё понял. Ткнув кроху кончиком пальца — прежде огрубевшего от работы, а теперь гладкого, словно молодой побег бамбука — в лобик, он мягко рассмеялся:

— Надо же, наш кроха уже умеет стесняться?

Проявив деликатность, он взял крошечный халатик, оставшийся на постели с вечера, аккуратно опустил малыша на простыню и бережно помог ему одеться, придерживая ткань

пальцами.

Наблюдавшие за этой сценой Цзю Цзинь и Цзи Цзин молча исходили завистью. Им оставалось лишь сокрушаться, что они не родились крошечными духами размером с палец — тогда, глядишь, и им перепала бы толика этой бесконечной нежности.

Впрочем, получить подобное отношение в этой жизни им явно не светило. В конце концов, ни один из них не обладал и сотой долей того природного очарования, которое исходило от И Даньдана...

Укутав кроху, Жун Чэньцзюнь вновь устроил его на ладони.

— Малыш, проголодался?

Он намеренно не стал спрашивать о результатах ночного самосовершенствования, поскольку уже во время осмотра понял всё без слов.

Малыш так и не смог совершить прорыв, оставшись на прежней ступени. Вчерашней ночью духовная энергия лилась рекой: даже Цзи Цзин сумел преодолеть барьер седьмого ранга, а сам Жун Чэньцзюнь одним махом взлетел на вершину шестого.

Но крохотное тельце И Даньдана попросту не могло удерживать эту силу. Духовная энергия утекала сквозь него, не желая превращаться в демоническую ци и укреплять его сущность.

Каждый новый ранг в мире совершенствующихся был подобен непреодолимой пропасти, и чем дальше, тем больше сил требовалось для шага вперёд. Но маленький дух не мог одолеть даже самые первые ступени.

От осознания этого у Жун Чэньцзюня защемило сердце. Он не посмел завести разговор о тренировках, боясь задеть чувства малыша.

Раньше, пребывая в неведении, он не придавал этому значения. Но теперь, ясно понимая суровую иерархию демонического мира, он чувствовал к крохе лишь безграничную жалость и нежность.

«Моё маленькое сокровище... за что тебе выпали эти муки?»

И Даньдань не догадывался о печали своего покровителя. Услышав вопрос о еде, он, хоть и не испытывал голода, забавно похлопал себя по крохотному животику и протянул:

— Да, Даньдань немного проголодался.

— Тогда беги умываться, а я пока приготовлю завтрак, — улыбнулся Жун Чэньцзюнь.

Послушно кивнув, малыш взмыл с его ладони и полетел в сторону ванной комнаты.

В полете он по привычке проверил собственные запасы сил и заглянул во внутреннее пространство. Наткнувшись на прибавку, малыш так и застыл в воздухе, а затем радостно обернулся:

— Жун-жун! Мои силы выросли! Ой, гляди! И моих протухших яиц стало больше, целых десять штук добавилось!

Даньдань сиял от счастья. Прежде, на пике своих сил, он мог скопить от силы восемь таких снарядов, да и те со временем растерял в стычках. Новые десять протухших яиц стали для него невероятным сокровищем. Малыш зажмурился от восторга и весело застрекотал.

Глядя на его искреннюю радость, Жун Чэньцзюнь и сам невольно улыбнулся.

— Мой малыш просто умница.

И Даньдань захихикал и юркнул за дверь ванной.

Едва дверь закрылась, улыбка исчезла с лица Жун Чэньцзюня. Он обернулся к Цзи Цзину:

— С Даньданем всё очень плохо, медлить нельзя. Цзи Цзин, с этого момента освобождаю тебя от охраны малыша. Я сам присмотрю за ним. Твоя единственная и главная задача — бросить все силы на поиски редких духовных снадобий!

Двое невольных зрителей, до этого безропотно сносивших их нежные воркования, наконец дождались, когда на них обратят внимание. Но первая же фраза хозяина снова касалась маленького яичного духа. Поистине, судьбы у всех разные.

Цзи Цзин почтительно склонил голову:

— Да, молодой господин. Будьте покойны, я сделаю всё возможное и невозможное, чтобы отыскать лекарства.

Немного помолчав, он добавил:

— Впрочем, излишне тревожиться тоже не стоит. Вчерашняя ночь принесла нашему «яйцу» немалую пользу. Пусть та лавина духовной энергии и не смогла исцелить его костную структуру, зато она вывела из его тела остатки скверны и нечистот. Для будущих тренировок

это великое благо. Пока вы не пробудились, я молчал, но прежде его дела обстояли куда хуже — он едва дотягивал до первого ранга, и сил ему хватало лишь на то, чтобы удерживать человеческий облик. Сейчас всё изменилось к лучшему. Если не случится беды, он больше не будет внезапно превращаться в яйцо.

Жун Чэньцзюнь кивнул, его лицо немного прояснилось.

Затем он повернулся к Цзю Цзиню и холодно спросил:

— А ты почему ещё здесь?

За долгие века своей жизни Цзю Цзинь повидал немало бурь и невзгод, но ещё никто и никогда не указывал ему на дверь с такой неприкрытой прямоотой...

Однако, пересилив внутренний страх и наконец представ перед сыном, он не собирался сдаваться так легко. Сейчас был лучший момент, чтобы растопить лёд в их отношениях. Как он мог уйти?

Если он отступит сейчас, то Жун Чэньцзюнь, и без того не желавший признавать родство, окончательно закроется от него. У них просто не останется возможности сблизиться.

Цзю Цзинь безмерно дорожил своим единственным сыном. Это было не просто продолжение его древнего рода, но и единственный близкий человек, его плоть и кровь. Чувство того, что он больше не одинок в этом мире, было слишком драгоценным, и терять его великий лис не желал.

— Недавно я наведалься в Ассоциацию монстров, переговорил с твоими дядьями, — с напускным равнодушием произнёс Цзю Цзинь, стараясь скрыть собственное волнение. — Нам удалось собрать кое-какие целебные травы. Я сложил их в то кольцо-хранилище, что дал тебе. Посмотри, вдруг что-то пригодится.

Жун Чэньцзюнь замер, а в следующую секунду его захлестнула волна неистовой надежды.

Он стремительно рванулся к постели и поднял кольцо-хранилище, сиротливо пролежавшее на покрывале всю ночь. Направив внутрь своё духовное зрение, он затаил дыхание.

Внутри высились настоящие горы камней духа небесного и высшего качества, громоздились редчайшие сокровища земли, а в самом центре ровными рядами покоились многочисленные ларцы.

Коробки были выточены из дерева, отлиты из золота и вырезаны из нефрита. Жун Чэньцзюнь понимал: по-настоящему редкие травы требуют особых условий хранения, иначе они мгновенно растеряют целебную силу и увянут.

Требования к сбережению таких сокровищ бывали невероятно суровыми. К примеру, упомянутая Цзи Цзином трава трансформации духа могла храниться исключительно в шкатулках из холодного нефрита.

И прямо на вершине этой драгоценной горы лежал матовый белый ларец, от которого веяло осязаемым морозным дыханием.

Сердце Жун Чэньцзюня заколотилось как сумасшедшее. Не веря собственным глазам, он раз за разом ощупывал шкатулку духовным взором.

Однако плотная пелена запечатывающих чар не позволяла разглядеть содержимое. Тогда он, недолго думая, единым взмахом извлёк все ларцы наружу. Пол комнаты мгновенно заполнился грудой изысканных шкатулок.

— Цзи Цзин, скорее взгляни! — взволнованно воскликнул он. — Это то, что нужно Даньданю?!

Цзи Цзин ошеломлённо уставился на рассыпанные по полу сокровища, одно оформление которых стоило целое состояние. Рот его невольно приоткрылся, и он долго не мог вымолвить ни слова.

«Да вы, божественные звери... издеваетесь?! Ну и богачи!»

С благоговейным трепетом он подошёл к Жун Чэньцзюню, опустился на колени и осторожно взял в руки верхний ларец из холодного нефрита.

Некоторое время он зачарованно поглаживал покрытые изморозью стенки, после чего медленно приподнял крышку. Внутри лежало невзрачное на вид растение.

С виду оно мало чем отличалось от обычной сорной травы, но хлынувшая наружу чистейшая духовная энергия не оставила сомнений.

Цзи Цзин ошарашенно выдохнул:

— Это и вправду трава трансформации духа!..

Услышав подтверждение, Жун Чэньцзюнь почувствовал, как кровь прилила к лицу. То, что казалось несбыточной мечтой, редчайшее, исчезнувшее сокровище, поиск которого мог затянуться на годы, теперь просто лежало перед ним.

Ему даже не пришлось отправляться в опасное странствие — кто-то принёс эту бесценную вещь прямо к его порогу.

В памяти невольно всплыл смутный образ из далёкого детства, когда он, голодный и оборванный, собирал на улицах пустые бутылки. Возле крохотной лавки он как-то раз увидел мальчика лет шести-семи. Тот уже давно умел и ходить, и держать ложку, но родители по-прежнему суеились вокруг него, как над младенцем. Мать бежала следом с тарелкой, пытаясь скормить ему очередную ложку каши, а отец заботливо отбрасывал с дороги каждый мелкий камешек, чтобы их драгоценное дитя, не дай бог, не споткнулось.

Этому ребёнку не нужно было просить. Ему достаточно было просто существовать, чтобы весь мир ложился к его ногам. Он мог капризничать, сердиться и демонстративно выбивать чашку из рук матери только потому, что не хотел есть ненавистную яичницу с помидорами.

А Жун Чэньцзюнь в тот день голодал уже вторые сутки. Глядя на рассыпанную по земле горячую, пахнущую специями еду, он испытывал такую жгучую, невыносимую зависть, что у него темнело в глазах.

Но ему оставалось лишь молча отвернуться, уйти прочь и продолжить копаться в мусорных кучах в поисках брошенного стекла.

«Почему судьба столь несправедлива? Почему одним с рождения суждено купаться в роскоши и любви, в то время как ему приходится влачить жалкое существование, полное лишений и боли?»

С годами те горькие воспоминания почти стёрлись из памяти, но томящее чувство детской обиды и тоски навсегда отложилось в глубине души.

Став взрослым, он всего добился сам. Шаг за шагом он забирал у жизни то, чего заслуживал, считая, что больше ни в ком не нуждается.

Но в это мгновение Жун Чэньцзюнь понял, как сильно ошибался.

Ледяной панцирь, который он выстраивал годами, дал глубокую трещину.

Всё, в чём он отчаянно нуждался, Цзю Цзинь раздобыл без лишних слов и молча положил к его ногам, обронив лишь небрежное:

— Посмотри, вдруг что-то пригодится.